

Секретарь Ленинградского обкома Василий Андрианов: штрихи к портрету сталинского управленца

Сушков Андрей Валерьевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ suschkow@mail.ru

Бедель Александр Эмануилович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ bedel54@mail.ru

Михеев Михаил Викторович

кандидат исторических наук

научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ mikheev666@yandex.ru

[Статья из рубрики "Личность в истории"](#)

Аннотация.

В статье рассматриваются свердловский и ленинградский периоды в биографии видного партийного руководителя и государственного деятеля Василия Михайловича Андрианова. Биография В. М. Андрианова до настоящего времени не становилась предметом научного исследования. Его роль в политических событиях позднесталинского СССР изучена весьма поверхностно, без должной тщательности, детальности и беспристрастности. Исследование биографии В. М. Андрианова во многом будет способствовать воссозданию более полной и объективной картины так называемого «ленинградского дела» – одного из известных политических дел периода «позднего сталинизма». В настоящей статье использован биографический метод, который позволил реконструировать и проанализировать важнейшие этапы политической биографии В. М. Андрианова, выявить характерные черты этой исторической личности. Авторы вводят в научный оборот ранее не публиковавшиеся документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). В статье показано, что В. М. Андрианов – способный управленец, талантливый организатор, отличался жестким стилем руководства и крутым нравом. Он жестко и решительно наказывал партийных и хозяйственных руководителей, нарушавших законность и установки верховной власти, чьи действия квалифицировались как «непартийные» или «антипартийные». Личные и деловые

качества В. М. Андрианова, которые проявились во времена его работы на Урале, в последующем во многом определяли политику Смольного в ходе «ленинградского дела».

Ключевые слова: Василий Андрианов, Ленинградское дело, партийно-государственная система власти, поздний сталинизм, управленческие практики, Великая Отечественная война, Урал, Ленинград, Иосиф Сталин, Никита Хрущев

DOI:

10.25136/2409-868X.2018.11.28040

Дата направления в редакцию:

16-11-2018

Дата рецензирования:

20-11-2018

«Ленинградское дело» привлекает к себе внимание многих отечественных историков. В исторической литературе достаточно широко распространено мнение о том, что в Ленинграде новое начальство во главе с первым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андриановым – ставленником члена Политбюро и секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова – активно проводило кадровые чистки в партийно-государственном аппарате, в различных организациях и ведомствах, на промышленных предприятиях, в учреждениях культуры, науки, образования и здравоохранения. С тем, чтобы оправдать доверие и выслужиться перед Москвой, они искусственно раздували масштабы «ленинградского дела», и в итоге к «делу» были привлечены сотни ни в чем не повинных людей [\[3, с. 126–132; 7, с. 105–108; 9, с. 57–60; 40, с. 283–286\]](#).

Тем не менее, роль В. М. Андрианова в «ленинградском деле» изучена весьма поверхностно, без должной тщательности, детальности и беспристрастности. В настоящей статье авторы преследуют цель проанализировать некоторые аспекты жизни и деятельности этого партийного руководителя, показать его личные и деловые качества, которые проявились в период его работы на Урале в годы Великой Отечественной войны, и которые в последующем во многом определяли политику Смольного в ходе «ленинградского дела».

Действительно, вскоре после смены власти в Смольном в Ленинграде начались масштабные кадровые чистки. В массовом порядке заменялись работники аппаратов обкома и горкома, начиная с руководителей и заканчивая техническими сотрудниками [\[16, д. 2425, л. 99\]](#). На вакантные места в аппарате подбирались новые партийцы, но и те надолго не задерживались. Секретари райкомов не успевали запоминать фамилии сотрудников отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов горкома, настолько часто они менялись. Длительное время вакантными оставались места в руководстве отдела машиностроения и отдела тяжелой промышленности. Ленсовет тоже был подвергнут кадровым чисткам: руководство Ленинградского горисполкома было полностью обновлено [\[15, д. 1360, л. 67, 190–191\]](#).

Кадровая чехарда охватила районный уровень ленинградских властных структур. Вслед за первыми лицами своих должностей в райкомах партии лишались рядовые сотрудники. Во многих районах сменились председатели райисполкомов и их заместители. Кадровые чистки устремились вниз – на различные предприятия, в учреждения и организации. Всего за период с февраля 1949 по май 1950 г. по номенклатуре Ленинградского горкома ВКП(б) было заменено 669 человек, из них 57 работали секретарями райкомов партии и 13 – председателями райисполкомов [\[15, д. 1360, л. 67; 16, д. 2425, л. 99\]](#).

Часто смещение с должностей, – в первую очередь это касалось различных руководящих работников, – сопровождалось исключением из партии: в вину им ставили связь с бывшим «антипартийным руководством». Сама процедура исключения из партии, по свидетельству испытавших ее на себе, была поставлена на конвейер и много времени не занимала. Дополнительный импульс для расширения кадровых чисток в Ленинграде придал судебный процесс над «центральной группой» обвиняемых по «ленинградскому делу» и последовавшие за ним другие судебные процессы [\[39, с. 276–277; 16, д. 2425, л. 118–121\]](#).

Судя по документам, масштабы кадровых чисток в городе во многом определяли новые руководители Ленинграда и области. Место П. С. Попкова в Смольном в феврале 1949 г. занял член ЦК ВКП(б), депутат Верховного совета СССР Василий Михайлович Андрианов – опытный и титулованный партийный начальник. В годы войны Андрианов возглавлял Свердловский обком и Свердловский горком ВКП(б), за выполнение заданий Правительства по выпуску военной продукции был удостоен четырех орденов Ленина. В 1946 г. он был переведен на руководящую работу в цековский аппарат и получил статус члена Оргбюро ЦК ВКП(б), работал заместителем заведующего оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б), заместителем начальника управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б) и заместителем председателя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР [\[25, с. 38–41\]](#).

В конце 1938 г. В. М. Андрианов сменил на посту первого секретаря свердловских обкома и горкома ВКП(б) К. Н. Валухина – профессионального чекиста, бывшего начальника омского областного УНКВД, возглавлявшего Свердловскую область лишь восемь месяцев. Неутешительные итоги, с которыми Свердловская область подходила к концу 1938 г., вынудили ЦК ВКП(б) учинить в области инспекторскую проверку. Итоги этой проверки легли в основу констатирующей части разгромного постановления Политбюро ЦК от 30 декабря 1938 г. «О работе Свердловского обкома ВКП(б)», где в частности говорилось: «В результате отсутствия внимания со стороны Свердловского обкома ВКП(б) к вопросам хозяйства, ни одна отрасль промышленности в Свердловской области не выполняет государственных планов, крупнейшие предприятия (заводы Востокостали, Уралвагонзавод и др.) находятся в прорыве, уборка урожая 1938 года была проведена с большими потерями хлеба, а часть картофеля осталась под снегом, государственный же план хлебопоставок до сих пор выполнен лишь на 67%. <...> В результате игнорирования насущных нужд трудящихся города Свердловска, жилищное и коммунальное строительство в г. Свердловске ведется совершенно неудовлетворительно, отпущенные правительством на эти цели средства использованы лишь наполовину, снабжение города картофелем и овощами фактически сорвано» [\[14, д. 1004, л. 40–41; 17, д. 1206, л. 123–125\]](#).

После своего назначения руководителем области В. М. Андрианов стал последовательно проводить в кадровой политике принципы подбора и назначения кадров, указанные И.

В. Сталиным. Необходимо заметить, что сам Андрианов, как ни рвался, так и не сумел получить высшее образование: оба раза непреодолимым препятствием на его пути становились партийные инстанции, отзывавшие его с учебы на руководящую партийную работу, и в итоге он так и остался с тремя курсами механико-математического факультета МГУ [\[25, с. 39\]](#). Тем не менее, это обстоятельство не помешало ему сразу по прибытии в Свердловск сделать ставку именно на специалистов высшей квалификации, разумеется, носивших в карманах партийные билеты. Первый секретарь обкома не опасался окружать себя более квалифицированными специалистами, нежели он сам: интересы дела новый руководитель области ставил выше личных. При комплектовании руководящими кадрами партийно-государственных структур он, прежде всего, обратил свой взор в сторону хозяйственников с высшим (реже – незаконченным высшим) техническим образованием, и преподавательский состав технических вузов. Предпочтение отдавал специалистам с опытом работы хотя бы в низовых партийных организациях, ячейках: это не только лишнее свидетельствовало о присутствии у них организаторских способностей, но и наличии хотя бы минимальных представлений о принципах функционирования партийно-государственной системы власти. Немаловажным было и то обстоятельство, что анкетные данные таких кандидатов на должности неоднократно проверялись и перепроверялись в ходе чисток 1936–1938 гг.

На остававшийся длительное время вакантным пост председателя облизполкома Андрианов выдвинул горного инженера по образованию, тридцатитрехлетнего директора Свердловского горного института И. Л. Митракова. В кабинет третьего секретаря обкома ВКП(б) (вторым секретарем в обком Москва прислала аграрника – двадцатидевятилетнего Ф. Д. Навозова) переехал выпускник этого же института, недавний инструктор в аппарате обкома партии и первый секретарь Надеждинского горкома ВКП(б) тридцатидвухлетний А. С. Некрылов (правда, с Некрыловым Андрианов не сработался и вскоре заменил его инженером-металлургом, выпускником Ленинградского индустриального института П. Н. Иванищеном). Своим заместителем по Свердловскому горкому (вторым секретарем) Андрианов назначил тридцатиоднолетнего В. И. Недосекина, прошедшего на Уралмашзаводе путь от бригадира до начальника механического цеха, одновременно получившего незаконченное высшее техническое образование, и последние месяцы до перехода в горком работавшего первым секретарем Орджоникидзевского райкома ВКП(б) г. Свердловска. В конце 1939 – начале 1940 г. Андрианов «обескровил» Уральский индустриальный институт, забрал на руководящую партийную работу молодых доцентов, кандидатов технических наук А. Б. Аристову и Н. М. Лапотышкина, и поручил им заведовать соответственно промышленным и машиностроительным отделами обкома ВКП(б), кандидата экономических наук П. А. Жукова посадил на место заведующего промышленным отделом Свердловского горкома, а аспиранта и ассистента В. П. Головина поставил во главе Свердловского горисполкома. И в последующее время индустриальный институт, к несчастью для его директора А. С. Качко, регулярно «поставлял» во властные структуры своих лучших преподавателей и аспирантов [\[28, д. 292, л. 79 об., 83; 34, д. 635, л. 13; 21, с. 57, 110–111; 25, с. 55, 112–113\]](#). Именно с этими кадрами Андрианов намеревался осуществлять реализацию постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1938 г., которым новому составу Свердловского обкома было предписано провести «...быстрейшую ликвидацию позорного отставания черной и цветной металлургии, лесной промышленности, железнодорожного транспорта и устранение крупнейших недочетов в работе Уралэнерго», «особое внимание уделить развитию добычи топлива...», «...покончить с пренебрежительным отношением к вопросам сельского хозяйства...», «...исправить нетерпимое положение в городском хозяйстве и обслуживании культурно-бытовых нужд населения гор.

Свердловска» [\[17, д. 1206, л. 125\]](#).

Нужно сказать, что Андрианову в достаточно короткие сроки удалось продемонстрировать свои организаторские способности. Пример тому – строительство крупных заводов в Нижнем Тагиле и Ревде. Строительство Новотагильского металлургического завода началось в 1930 г., пустить его планировалось в середине 1934 г., однако даже спустя восемь лет строительная площадка металлургического и технологически связанных с ним коксохимического и огнеупорного заводов «...являла собой печальное зрелище заброшенности и запустения», состояла из котлованов, канав и остовов зданий промышленных объектов. Но уже в середине 1940 г. заводы были введены в строй действующих, в короткие сроки были преодолены трудности этапа освоения производства [\[26, с. 52–66; 24, с. 56–66\]](#). Тогда же был пущен в эксплуатацию Среднеуральский медеплавильный завод, история строительства которого во многом напоминала историю тагильского завода [\[1, с. 5; 10, с. 85–88\]](#).

Как докладывал В. М. Андрианов на Свердловской областной партконференции в марте 1940 г., заводы медеплавильной промышленности в 1939 г. справились с выполнением годовой программы (Красноуральский завод – впервые за время своего существования), впервые за много лет выполнила государственный план лесная промышленность, значительно улучшилась ситуация с выполнением плана на предприятиях машиностроения (рост выпуска продукции в 1939 г. на Уралвагонзаводе составил 77%, на Уралмаше – 29%, на Уралэлектромашине – 59%).

Энергичные и продуманные меры областного руководства во главе с Андриановым позволили наметить определенную тенденцию к преодолению кризисного состояния черной металлургии (См. таблицу 1).

Таблица 1. Темпы роста производства основных видов промышленной продукции в 1937–1940 гг. (%) [\[11, с. 50; 32, д. 243, л. 19; 33, д. 157, л. 5; 36, д. 157, л. 1\]](#)

	Чугун	Сталь	Прокат	Каменный уголь	Железная руда	Производство электроэнергии
1937	100	100	100	100	100	100
1938	79,5	83,2	88,9	98,2	91,7	114
1939	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
1940	108,1	103,3	99,4	175,3	87,7	179,4

Из приведенных данных видно, что в 1938 г. производство основных видов металлургической продукции снизилось в сравнении с 1937 г. приблизительно на 10–20%. Тем не менее, руководству Свердловского обкома по большей части удалось в 1940 г. выйти на докризисный уровень промышленного производства, а в ряде случаев даже превысить его. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наибольшие темпы прироста были достигнуты в сфере топливной и энергетической промышленности. Последнее демонстрирует определенную дальновидность регионального руководства, ведь ограниченные топливные и энергетические мощности неизбежно лимитировали возможность развития любых иных отраслей промышленности. Тот факт, что областное начальство сконцентрировало свое внимание именно на этих проблемах развития региона, вместо погони за увеличением производства чугуна, стали и проката с целью

улучшения формальной отчетности, свидетельствует о его стремлении работать над развитием промышленного потенциала региона в долгосрочной перспективе.

Отмеченные достижения были обеспечены во многом благодаря грамотной кадровой политике Андрианова. Конечно, ее нельзя назвать безупречной: были и ошибочные кадровые решения, кого-то из своих выдвиженцев он быстро «задвигал» обратно, как только их деловые качества переставали его устраивать. Порой отклонялся от сталинской кадровой политики, решая участь подчиненного исходя из личной неприязни, а не его деловых качеств [\[19, с. 188-205; 18, с. 205-216\]](#). Тем не менее, Андрианов стал первым за много лет руководителем области, кто стремился придерживаться установок Сталина в области кадровой политики. Не случайно, поэтому, многим выдвиженцам Андрианова было суждено занять высокие посты в партийно-государственной системе власти. Так председатель облисполкома И. Л. Митраков в дальнейшем стал заместителем председателя Госплана СССР, затем – заместителем министра внутренних дел СССР и начальником Дальстроя; секретари обкома Г. С. Ситников, Е. Ф. Колышев и В. В. Косов впоследствии возглавили обкомы партии соответственно в Ярославле, Кемерово и Тюмени, секретари «столичного» горкома ВКП(б) В. И. Недосекин и К. К. Николаев в разное время возглавляли Свердловский обком партии, секретари обкома ВКП(б) А. П. Панин, А. В. Носенков и первый секретарь обкома ВЛКСМ А. Е. Харламов заняли ответственные должности в аппарате Центрального комитета ВКП(б)–КПСС. Наиболее высоких постов во власти достиг андриановский выдвиженец А. Б. Аристов – член Президиума и секретарь ЦК КПСС в последние полгода жизни Сталина и позже, во времена правления Хрущева [\[22, с. 34-38; 23, с. 132-138; 25, с. 42-44, 54-56, 113; 35, д. 1845, л. 12-15 об.\]](#).

Вместе с тем нужно отметить, что речь не идет о формировании «свердловского клана» в партийно-государственной системе власти. В настоящее время неизвестно, чтобы в дальнейшем эти руководители поддерживали тесные контакты с В. М. Андриановым, восхваляли его, пытались решать через него какие-либо вопросы в высших властных инстанциях, а он вмешивался в их управленческую деятельность. Иначе говоря, Андрианову и его выдвиженцам нельзя приписать то, что во многом было характерно для взаимоотношений между секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым и руководителями регионов из числа бывших ленинградских чиновников, и что им впоследствии вменили в вину [\[4, с. 182-183; 5, с. 243\]](#).

За Андриановым закрепилась слава жесткого руководителя, человека с крутым нравом. Невыполнение государственных заданий в годы войны даже заслуженным директорам заводов могло стоить должности и партбилета [\[1, с. 16; 27, д. 13, л. 648-649\]](#). Свердловский обком ВКП(б) нередко выступал с инициативой смещения с постов руководителей заводов и привлечения их к уголовной ответственности [\[27, д. 13, л. 181, 291-292, 307-308, 479-480; д. 15, л. 668; д. 16, л. 49; д. 17, л. 327; д. 18, л. 110-111\]](#), а угрозы суровым партийным наказанием и уголовным преследованием были обычной повседневной практикой, что отражено в решениях бюро обкома под грифом «особая папка».

Известно, что обком достаточно резко реагировал на коррупционные действия заводского начальства, даже если завод справлялся с государственными заданиями, а его руководство было на высоком счету у обкома. Так, в 1942 г. в обкоме стало известно, что руководящие работники крупного военного завода «Уралэлектроаппарат» – заместитель директора завода Глазков, заведующий подсобным хозяйством Пушкарев и коммерческий директор Крейндель – обменяли в колхозах острордефицитные фондовые

материалы завода на сельхозпродукцию. Делалось это под видом помощи колхозам и улучшения общественного питания рабочих завода. На самом же деле вырученные продукты делились между Глазковым, Пушкаревым и Крейнделем. Решением бюро обкома Глазков и Пушкарев были сняты с работы и получили строгие выговоры с предупреждением и занесением в учетные карточки, им запретили в течение года занимать руководящие должности. Директору завода предложили снять с занимаемой должности коммерческого директора Крейндела «за антигосударственные действия». Областную прокуратуру обязали расследовать каждый подобный случай и виновных привлекать к ответственности как «расхитителей социалистической собственности». Постановление в назидание разослали во все горкомы и райкомы партии [\[29, д. 21, л. 12-13\]](#).

Директор небольшого Атигского завода В. Т. Голованов не внял обкомовским указаниям, санкционировал обмен с колхозами заводских фондируемых материалов – керосина и металла – на мясо, масло, мед и другие продукты, часть которых взял себе и раздал своим заместителям. За это, а также за отсутствие на заводе элементарных жилищно-бытовых условий для рабочих-таджиков решением бюро обкома Голованов был снят с должности и исключен из членов ВКП(б) [\[30, д. 43, л. 36-37\]](#).

В 1942 г. бюро Свердловского обкома приняло необычное постановление под наименованием «О проведении на Верх-Исетском металлургическом заводе вечера с закуской и выпивкой». Его содержание было следующим:

«1. Осудить неправильное поведение руководителей Верх-Исетского металлургического завода, организовавших банкет с выпивками и закусками. Предупредить руководителей завода, что за повторение подобных случаев они будут сняты с занимаемых постов и привлечены к строгой ответственности.

2. Обратить внимание Молотовского РК ВКП(б) на то, что они неправильно допустили и прошли мимо фактов организации коллективного вечера на заводе с выпивками. Предложить бюро РК ВКП(б) решительным образом покончить с подобными нездоровыми проявлениями, а виновных в этом деле привлекать к строгой ответственности.

Настоящее решение разослать всем ГК, РК ВКП(б)» [\[29, д. 45, л. 8\]](#).

С секретарями райкомов и горкомов, председателями исполкомов Андрианов вообще не церемонился.

Историк К. А. Болдовский описал обстоятельства изгнания из Ленинграда в Крым двух председателей райисполкомов. В 1946 г. два руководителя районных исполкомов – Н. М. Горбунов и И. Г. Нефедов – были освобождены от работы в Ленинграде «за недостойное поведение как коммуниста-руководителя» и «в наказание» были переведены на работу в Крымскую область, где местный обком возглавлял Н. В. Соловьев – бывший председатель Ленинградского облисполкома. Н. М. Горбунов, работавший председателем Дзержинского райисполкома г. Ленинграда, занял должность председателя горисполкома в Симферополе, а И. Г. Нефедов, бывший председатель Петродворцового райисполкома г. Ленинграда, получил место председателя горисполкома в Ялте [\[2, с. 124\]](#).

Андрианов, когда работал на Урале, штрафовал секретарей и председателей исполкомов не направлял на «перевоспитание» в Крым, а отбирал партбилет, отдавал под суд или отправлял на фронт. А взыскания и предупреждения секретарям были

обычной повседневной практикой в работе бюро обкома. Только открытыми (без грифа «особая папка») постановлениями бюро обкома ВКП(б) в 1942 г. один секретарь был исключен из партии, пятеро получили строгие, еще двое – простые выговоры. В середине 1942 г. бюро обкома сняло с должностей и исключило из партии первого секретаря Полевского райкома Плотникова и председателя райисполкома Валова за «морально-бытовое разложение», организацию коллективных пьянок, невыполнение предприятиями района государственных планов и срыв графика уборки урожая. На одной из пьянок Плотников из пистолета ранил свою жену, а другая закончилась дракой между зампредом райисполкома и директором промкомбината, с последующим невыходом на работу нескольких руководителей района, включая Валова и его заместителя. Председатель Гаринского райисполкома Фетисов, купивший (а не взявший себе бесплатно) в районном финотделе конфискованные вещи, предназначенные для реализации, решением бюро обкома был снят с должности и получил выговор с занесением в учетную карточку. В 1943 г. первый секретарь Ирбитского райкома ВКП(б) И. Е. Путилов, который ранее имел предупреждения от обкома за сексуальную распущенность и выпивки, решением бюро обкома был снят с должности, исключен из партии и отдан под суд за срыв хлебозаготовок и пьянство. В последующем уголовное наказание заменили отправкой на передовую, где он и погиб [\[20, с. 130-136; 37, д. 1207; 29, д. 48, л. 36-37; д. 55, л. 35-36; 30, д. 88, л. 45а-46 об.\]](#). В том же году бюро обкома постановило исключить из партии и предать суду бывшего председателя Зайковского райисполкома Березина «за подделку денежных документов, присвоение государственных средств, поборничество денег и вещей у хозяйственных организаций и как организатора клеветнического заявления, направленного на дискредитацию райкома ВКП(б)» (Березин пытался избежать уголовной ответственности, отправив заявление, в котором обвинил руководство райкома в «зажиме самокритики», самоснабжении и т.д., и которое после проверки было признано вымышленным и клеветническим). Бывший первый секретарь Манчажского райкома партии А. Ф. Цаплин, ранее осужденный к восьми годам лишения свободы за срыв хлебозаготовок и другие проступки, из колонии писал Андрианову оправдательные письма. Цаплин был «помилован»: колонию ему заменили отправкой на фронт. В 1944 г. был исключен из партии и предан суду бывший первый секретарь Талицкого райкома ВКП(б) Г. М. Седых, который в стремлении остановить покидавших уборочные работы студентов техникума, случайным выстрелом убил одного из них [\[27, д. 19, л. 171; 30, д. 7, л. 37-39; д. 88, л. 18-22\]](#). Уже после войны бюро обкома сняло с работы первого секретаря Первоуральского горкома ВКП(б) Макаренко и объявило ему выговор с занесением в учетную карточку «за недостойное поведение в быту и шельмование работников горкома ВКП(б)» [\[31, д. 54, л. 28\]](#). И это далеко не полный список районных и городских начальников, наказанных в бытность работы Андрианова на Урале.

Считается общепринятым, что Андрианов был креатурой Маленкова. Не отвергая это, необходимо отметить, что в тех условиях кандидатура на место П. С. Попкова самым тщательным образом рассматривалась в высшем руководстве СССР и должна была получить одобрение И. В. Сталина. Деловые качества Андрианова были хорошо известны Сталину. В частности, когда осенью 1946 г. в Кремле экстренно разрабатывали план действий в связи с неурожаем и надвигающейся продовольственной катастрофой, Сталин дал письменное указание «усилить» Министерство торговли СССР во главе с А. В. Любимовым, назначив ему одного-двух заместителей «из партийных деятелей типа Андрианова». Оценка способностей Андрианова выглядела еще более лестной, если учесть предшествующее ей другое распоряжение Сталина: «Никакого доверия не оказывать в этом деле т. Микояну, который благодаря своей бесхарактерности

расплодил воров вокруг дела снабжения» [\[12, с. 224-225\]](#). Поэтому нельзя полностью исключать того, что нового «хозяина Смольного» мог выбрать сам Сталин.

По прибытии в Ленинград Андрианов стал неуклонно проводить политику по очищению властных структур от уличенных в «антипартийных действиях» чиновников, дал «зеленый свет» для привлечения их к уголовной ответственности. Как установил доктор исторических наук И. В. Говоров, «ленинградское дело» позволило органам МВД и прокуратуре реализовать часть имеющихся в их распоряжении оперативных данных о различных нарушениях законности представителями партноменклатуры, чего ранее, при П. С. Попкове, им сделать было крайне сложно. В начале 1950-х гг. в Ленинграде прошла серия судебных процессов над бывшими руководителями райкомов и райисполкомов города. Недавним районным начальникам инкриминировали крупные хищения и разбазаривание государственных средств [\[6, с. 173\]](#).

Впоследствии районные руководители были реабилитированы. Спустя годы они называли предъявленные им обвинения сфальсифицированными и нелепыми. Они утверждали, что незаконное расходование средств с их стороны было обусловлено необходимостью исполнения указаний «сверху» о праздничном оформлении улиц, площадей и агитпунктов, подготовке портретов членов Политбюро и «ленинградских вождей», лозунгов и транспарантов к различным празднествам и тому подобное [\[39, с. 277-280; 8, с. 383\]](#). Иначе говоря, средства шли на благоустройство и украшение к государственным праздникам, чем умело воспользовались «фабрикаторы» «ленинградского дела». Насколько эти утверждения справедливы можно будет говорить лишь после введения в научный оборот документов соответствующих уголовных и партийно-следственных дел. Сейчас лишь имеется возможность привести претензии в адрес отдельных районных начальников, прозвучавшие в ходе IX Ленинградской городской конференции ВКП(б) 1950 г.

Секретарь Невского райкома ВКП(б) г. Ленинграда Г. Н. Шумилов говорил, что бывшие секретари райкома Колобашкин, Нестеров и Григорьев «культивировали» в районе зазнайство, самодовольство и самовосхваление, разбазаривали государственные средства. Бывший председатель Невского райисполкома Дмитриев на организацию банкетов и пооек израсходовал около 20 тысяч рублей, часть этих средств внесли предприятия Невского района [\[15, д. 1360, л. 124-125\]](#).

Секретарь Выборгского райкома ВКП(б) г. Ленинграда А. А. Григорьев говорил о таких явлениях, как «угодничество и подхалимство, распущенность и пьянство, парадность и шумиха, зажим критики и самокритики, протаскивание и поддержка подхалимов и угодников». Бывший секретарь райкома Кедров и бывший председатель райисполкома Тихонов устраивали многочисленные попойки за счет государства, банкеты происходили даже в здании райкома партии: «Проводилась преступная практика спаивания, разложения партийного актива, широко практиковались групповые выезды на охоту, семейные вечера и попойки на квартирах и так далее, в которых участвовали многие партийные и хозяйственные руководители района <...>, участники пооек щедро обеспечивали такие вечера спиртом за счет предприятий». Григорьев рассказал о том, что поведение районного руководства копировали некоторые руководители предприятий и учреждений района: «Бывшие секретари парторганизации Грешенков, Дулетов, Николаев, Шпилов и другие, пользуясь подачками, оказались в зависимости от хозяйственников, пошли у них на поводу, примирялись с безобразиями и покрывали недостатки. Само собой понятно, что ни о каком настоящем партийном контроле над хозяйственной деятельностью при такой обстановке нельзя было и думать. Критика и

самокритика оказалась невозможной, а малейшая попытка критиковать заглошалась. Такая обстановка позволила, начиная с руководителей района и кончая работниками предприятий и учреждений, безнаказанно растрчивать государственные средства на постройку дач, на незаконное приобретение путевок, премирование и тому подобное» [\[15, д. 1360, л. 131-133\]](#).

Секретарь Октябрьского райкома ВКП(б) г. Ленинграда А. М. Дмитриев говорил, что бывший председатель райисполкома Белоус, пользуясь покровительством Попкова, Лазутина и других, незаконно присваивал для себя и приближенных мебель, принадлежащую государству. Другого исполкомовского работника – Ножнину – Дмитриев обвинил в обмане партии, разбазаривании жилфонда, имущества эвакуированных граждан, что «залезала в карман государству». В использовании служебного положения в личных целях были уличены хозяйственные руководители [\[15, д. 1360, л. 137-138\]](#).

Секретарь Кировского райкома ВКП(б) г. Ленинграда И. К. Замчевский обвинил бывших руководителей района Тихонова и Семенова, что они подбирали кадры не по деловым качествам, а угодных, что на партийные деньги устраивали кутежи, выезды на рыбную ловлю, охоту: «Достаточно сказать, что в Кировском райкоме на неоднократные банкеты было истрчено более 100 тысяч рублей, а расплачивались за эти кутежи либо за счет предприятий, либо за счет имущества райкома партии и райисполкома». «Бывший секретарь райкома Мокшев, который был снят с партийной работы, – говорил Замчевский, – по указанию Тихонова и Семенова был послан на ответственную хозяйственную работу, там проворовался. Вместо того, чтобы его судить, его послали на ответственную работу на завод имени Жданова, где он также занимался поборами с рабочих и крохоборничеством. Заведующий райкоммунотделом Петраченко занимался подделкой документов и расхитил более чем на 100 тысяч рублей имущества райисполкома. <...> Бывший управляющий Лесным портом Чирковский всячески восхвалял Тихонова, делал ему различные подарки. Кадры в Лесном порту подбирались из числа угодных по семейному признаку, а над теми, кто выступал с критикой в адрес Чирковского, над ними немедленно учиняли административную расправу» [\[15, д. 1360, л. 160-161\]](#).

Из выступления секретаря партколлегии при обкоме и горкоме А. Я. Новикова: «Для того чтобы охарактеризовать разложение отдельных работников, я хочу привести еще пример относительно бывших секретарей райкомов Ефремова и Нестерова. В тяжелые дни блокады Ленинграда Ефремов был секретарем Кировского райкома партии, а затем его выдвинули секретарем обкома ВКП(б) по пропаганде. Чем же занимался этот Ефремов? Ефремов вместе со вторым секретарем райкома Киреевым в помещении Дома культуры организовали так называемый штаб и разместили там сотрудниц райкома. Они устраивали пьяные оргии и сожительствовали с подчиненными женщинами. Ефремов, будучи пьяным, выстрелил в свою сожительницу и ранил ее в ногу. Раненая около двух месяцев пролежала в больнице. Всё это было скрыто и нигде не обсуждалось. Киреев, находясь на работе в райкоме, напивался до такого состояния, что его выносили из кабинета в другие комнаты. В бытность секретарем обкома партии Ефремов продолжал заниматься кутежами. В районы области он выезжал в специальном поезде, где также пьянствовали. В этом районе разворовывались продукты, спирт, творился произвол со стороны отдельных работников. Когда Ефремова вызвали по этим вопросам в ЦК ВКП(б), он клялся, что этого ничего не было, но будучи уличенным признался. Бывший секретарь Василеостровского райкома партии Нестеров и третий секретарь этого райкома Журавлев организовывали попойки за счет поборов средств с предприятий и

докатались до того, что для устройства пьяных оргий и разврата организовали специальную квартиру. Здесь пьянки происходили сутками. На них приглашались сотрудницы райкома, которым выдавали фальшивые бюллетени по болезни для того, чтобы скрыть их прогул на работе» [\[15, д. 1360, л. 253-254\]](#).

«Хозяин Смольного» В. М. Андрианов тоже предъявил обвинения бывшим районным руководителям: «Антипартийная группа политически и морально разлагала актив путем проведения всевозможных банкетов, попоек, шумных поездок на охоту и всевозможных приемов и встреч, на что затрачивались миллионы рублей, о чем вам уже частично говорили выступающие товарищи. В тяжелые годы блокады и войны, когда люди умирали от холода и голода, эти перерожденцы упивались излишествами и развратом. Эти нравы из Смольного передавались и в районы. В Кировском районе во время бомбежек района, когда надо было всё делать для того, чтобы спасти жизнь людей, эти враги забирались в бомбоубежища, напивались пьяными, затаскивали к себе женщин, глумились над ними, стреляли в них из револьверов. Подобные враждебные действия были не только в Кировском районе. Если взять Куйбышевский район, то Закржевская нагло вела себя, разлагала актив, сожительствовала в стенах райкома, у себя в кабинете. Эти враги дошли до самого низкого падения. В Свердловском районе был секретарем Краснов. Они там до того закручивали любовные интриги, что его любовницы брали револьверы и стрелялись в стенах райкома. Подхалимы и их приспешники как будто изоляционным слоем прикрывали этих врагов от разоблачения коммунистами. <...> Ранее неизвестно было некоторым о нравах и выходках этих гнусных врагов. Коммунисты рассказывали руководителям горкома и обкома о делах Кировского района, когда там пьянствовали в бомбоубежище и стреляли в женщин. Стреляли, а потом говорили, что этот человек получил ранение от немецкой пули. Известно, что коммунисты приходили в Смольный к Кузнецову и всё ему рассказывали об этом. Однако Ефремова, который был секретарем Кировского райкома, выдвинули секретарем по пропаганде Саратовского обкома» [\[15, д. 1360, л. 380-381\]](#).

Таким образом, речь на конференции шла о застольях, охотничьих забавах и личном материальном обогащении чиновников за счет партийных и государственных средств. Кроме того, как следует из выступлений, имелись многочисленные нарушения «внутрипартийной демократии» – «зажим критики и самокритики», расправа над неугодными, а также факты «морально-бытового разложения» среди ленинградской партноменклатуры.

Вместе с тем, своих должностей и партбилетов лишились не только действительно причастные к нарушениям государственных и партийных законов. «Вместо того чтобы ликвидировать немногочисленный сорняк, у нас начали усиленно рубить лес, не говоря уже о щепках, которые в изобилии летели всюду», – говорил позже, уже после реабилитации фигурантов «ленинградского дела», заведомо пропаганды и агитации Ленинградского горкома КПСС П. И. Кузнецов. В короткие сроки были заменены почти все секретари первичных партийных организаций, директора и главные инженеры предприятий, руководство многочисленных научных и культурных учреждений. Всем было выражено политическое недоверие только за то, что они работали в период руководства А. А. Кузнецова, П. С. Попкова и Я. Ф. Капустина, которых они могли видеть лишь на плакатах и в газетах. Кадровые чистки в Ленинграде не прекращались, а, наоборот, после суда над «центральной группой» приобрели еще больший размах, и проходили под лозунгом ликвидации «последствий вражеской деятельности группы Кузнецова, Попкова и других» [\[16, д. 2425, л. 99, 118-119\]](#).

В ленинградские обком и горком, в ЦК ВКП(б) хлынул поток «сигналов» о различных нарушениях, допускавшихся руководящими работниками. В отчете ревизионной комиссии Ленинградского горкома на городской партконференции 1950 г. говорилось, что после конференции 1948 г. количество писем в Смольный увеличилось в 3,5 раза. Если в 1948 г. в особый сектор обкома и горкома поступило 16120 писем и заявлений, то в 1949-м их было уже 29941, а за 4,5 месяца 1950 г. – 19958 писем и заявлений. На ленинградские властные структуры легла непростая обязанность по проверке этих заявлений. С марта 1949 по май 1950 г. бюро Ленинградского горкома рассмотрело 427 вопросов, поднятых в письмах и заявлениях, из них 150 – о «зажиме критики», недостойном поведении и злоупотреблениях отдельных работников. На 10 мая 1950 г. в отделах горкома партии находились на рассмотрении и проверке 2355 писем и заявлений [\[15, д. 1360, л. 121\]](#). По результатам проверок снимали с работы и исключали из партии всевозможных начальников – нечистых на руку, злоупотребляющих алкоголем, ведущих разгульный образ жизни, мстящих за конструктивную критику в свой адрес и так далее. Но многие обвинения были предвзятыми, сугубо субъективными либо даже сфальсифицированными. Об этом достаточно много говорилось на той же Ленинградской городской партконференции 1950 г. Причем выступавшие указывали на сложившуюся в Смольном практику, когда кляузников не привлекали к ответственности за откровенную клевету. Причина тому – опасения нового ленинградского руководства получить обвинения в «зажиме критики».

В частности, первый секретарь Кировского райкома ВКП(б) И. К. Замчевский привел в пример лектора горкома Давидченко, который обвинял новых секретарей горкома и райкома в политических ошибках, в проведении «попковской линии». Райком после разбирательств объявил Давидченко строгий выговор за клевету. Горком, тем не менее, выговор снял и заменил его указанием, которое не являлось партийным взысканием. «Боятся, как бы не получилось так, что выйдет, что он пострадал за критику», – пояснил Замчевский. Однако выяснилось, что Давидченко кляузничал по старой привычке: как сообщили из ЦК, он еще в 1935 и 1937 гг. получал выговора (в том числе строгий с занесением в учетную карточку) за клевету (в последующем автор десятков заявлений Давидченко, когда его сын задумал жениться, затребовал анкетные данные на невестку, в которых обнаружил порочащие сведения, и после произошедшего по этой причине скандала с сыном написал на него в «органы» заявление, что сын примыкал к «антипартийной группировке» и допускать его в дальнейшем плавание по окончании морской школы нельзя) [\[15, д. 1360, л. 165-166; 16, д. 2425, л. 100\]](#).

Коллегу поддержал первый секретарь Куйбышевского райкома П. Ф. Ладанов, возмущение анонимными клеветническими заявлениями высказал даже народный артист СССР Николай Черкасов [\[15, д. 1360, л. 217-218, 319-320\]](#).

Первый секретарь обкома ВКП(б) В. М. Андрианов в выступлении тоже не обошел эту проблему: «Мне думается, справедливо говорили здесь на конференции товарищи о том, что некоторые чересчур усердно начинают за всякие проступки приписывать грехи или просто брать под подозрение и клеветать на честных коммунистов, относить их к «антипартийной группе» и обвинять их в связях с «антипартийной группой». Такой огульный подход не только неправилен, но и вреден. Надо запомнить, что будет много чести для «антипартийной враждебной группы» приписывать к ней большое количество людей» [\[15, д. 1360, л. 382\]](#).

Тем не менее, несмотря на здравые мысли, достаточно адекватную оценку действительности, «огульного подхода» при разборе многочисленных «персональных

дел» сотрудников партийно-государственного аппарата, представителей управленческого корпуса новому ленинградскому руководству избежать не удалось. В частности, согласно указания В. М. Андрианова и невзирая на возражения И. К. Замчевского, по очередному заявлению того же Давидченко из партии были исключены десятки коммунистов [\[16, д. 2425, л. 100\]](#).

Было бы ошибочным приписывать В. М. Андрианову и первому секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) Ф. Р. Козлову исключительную инициативу и рвение в поголовной замене прежних кадров на новые и в «чистках» партийных рядов. Как докладывал на Ленинградской городской партконференции 1950 г. секретарь партколлегии А. Я. Новиков, в первом квартале того года партколлегия отменила 20% решений райкомов ВКП(б) об исключениях из партии. Новиков обвинил нижестоящие организации в невнимательном рассмотрении персональных дел [\[15, д. 1360, л. 256\]](#). А поднимавшиеся на трибуну первые секретари райкомов требовали от горкома быстрее реагировать на инициативу райкомов о смещении с занимаемых должностей отдельных руководителей [\[15, д. 1360, л. 135-139, 165, 186, 205-206, 216-217, 226-227, 350-351\]](#).

Спустя три года Ф. Р. Козлов, стоя на трибуне объединенного пленума обкома и горкома (ноябрь 1953 г.), признавал, что имели место ошибочные исключения из партии «за так называемую связь с Кузнецовым, Попковым, Лазутиным, Капустиным»: «Стоило человеку побыть вместе с ними, уже составлялся материал и человека из партии исключали». Всего, согласно данным Козлова, «за связь» было исключено около 300 человек. Кроме того, исключались из партии на основании справок из органов МВД или записей в личных делах о том, «что человек голосовал когда-то за зиновьевскую оппозицию» [\[38, д. 40, л. 13-14\]](#). Вместе с тем Ф. Р. Козлов в присутствии Н. С. Хрущева, приехавшего тогда в Ленинград для избрания нового первого секретаря обкома КПСС, указывал на то, что не все исключенные из партии «за связь» были невинными жертвами: «Они пьянствовали, транжирили государственные средства, распутничали, развращали кадры и допускали другие непартийные действия» [\[38, д. 40, л. 13-14\]](#).

Хрущев полгода спустя, на заседании партактива в Ленинграде назвал Андрианова карьеристом, «гнусным человеком» и «плохим коммунистом», что тот записками и докладами разжигал у Сталина недовольство бывшими ленинградскими руководителями. Хрущев, тем не менее, призвал не сводить всё к Андрианову, заметил, что если бы тот не действовал в соответствии с решениями и указаниями высших инстанций, то поплатился бы должностью и, возможно, партбилетом. Хрущев не снимал полностью виновность с «ленинградцев», говорил, что некоторые обвинения в адрес А. А. Кузнецова и других имели под собой основания, и пересматривать их в то время не планировалось: «Известно, что товарищ Кузнецов и другие допускали разные излишества, выпивки допускались. Ведь это факт. И расходование средств государственных не по назначению допускалось, и бахвальство, и некоторое зазнайство. Было же всё это, товарищи» [\[13, с. 130-131, 138\]](#).

Таким образом, вполне очевидно, что масштабы кадровых чисток, которые имели место в Ленинграде после смены руководства города и области, были обусловлены не только указаниями из Центра, но и деловыми качествами нового «хозяина Смольного» – В. М. Андрианова. Вместе с тем, следует отметить, что трудно было ожидать чего-то иного от партийного чиновника, известного своей резкостью и жесткостью по отношению к тем руководителям, кто на его взгляд нарушал действующее законодательство и установки верховной власти, к тем, чьи действия квалифицировались как «непартийные» или

«антипартийные». Если бы в Центре ожидали от Смольного иной политики, то чиновник с подобными деловыми качествами не был бы назначен на руководство Ленинградским обкомом ВКП(б).

Исследование роли В. М. Андрианова в «ленинградском деле» далеко от своего завершения. Оно невозможно без введения в научный оборот архивных документов, которые ныне находятся на закрытом хранении в федеральных, региональных и ведомственных архивных учреждениях. Только после получения доступа к документам историки смогут воссоздать достаточно полную и объективную картину событий, имевших место на рубеже 1940-х – 1950-х гг.

Библиография

1. Аристов А. Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 3–32.
2. Болдовский К. А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946–1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2010. Вып. 3. С. 121–126.
3. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 436 с.
4. Виноградов И. Докатилось до Пскова // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 177–198.
5. Гармаш П. В Крыму // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 241–260.
6. Говоров И. В. Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 504 с.
7. Зубкова Е. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949–1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 96–110.
8. Ильяшенко Г. На круге третьем // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 375–385.
9. Кутузов В. А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53–67.
10. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург: ПостМодерн, 2003. 232 с.
11. План хозяйственного и культурного строительства Свердловской области на 1939 год. Свердловск: [б. и.], 1939. 280 с.
12. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк, М. Ю. Прозуменщиков, Л. А. Роговая, С. В. Сомонова. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
13. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 1. Март 1953 – февраль 1956 / сост.: А. Н. Артизов, Ю. В. Сигачёв, И. Н. Шевчук, В. Г. Хлопов. М.: МФД, 2000. 503 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 50.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 54.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163.
18. Сушков А. В. «Товарищи, о третьем секретаре обкома». Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов и проблема выбора секретаря обкома по промышленности. 1940 год // Партийные архивы Урала. Прошлое и

- настоящее, перспективы развития: материалы III межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. С. 205–216.
19. Сушков А. В. «Я настаиваю на том, чтобы его выдвинуть на пост третьего секретаря обкома!» Споры вокруг кандидатуры «промышленного секретаря» Свердловского обкома ВКП(б) в 1940 году // Партийные архивы Урала. Прошлое и настоящее, перспективы развития: материалы III межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. С. 188–205.
 20. Сушков А. В. Война, любовь и хлебозаготовки: из личной жизни секретаря райкома партии // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 130–136.
 21. Сушков А. В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 168 с.
 22. Сушков А. В. Руководители Свердловской областной организации ВЛКСМ – ЛКСМ РСФСР. 1934–1992: биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 120 с.
 23. Сушков А. В. Руководство Свердловской области в период Великой Отечественной войны: секретарь обкома ВКП(б) А. Б. Аристов // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 132–138.
 24. Сушков А. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Средний Урал в системе Урало-Кузнецкого комбината: проблемы строительства Новотагильского металлургического завода в 1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 56–66.
 25. Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 284 с.
 26. Сушков А. Трудное рождение металлургического гиганта: тагильская металлургия в биографии секретаря ЦК КПСС Аверкия Аристова // Веси. 2012. № 6. С. 52–66.
 27. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 18.
 28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 34.
 29. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37.
 30. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38.
 31. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 40.
 32. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43.
 33. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44.
 34. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 48.
 35. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 51.
 36. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 54.
 37. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 58. Оп. 18002.
 38. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 81.

39. Червяков М. Е. По «хозяйственному делу» // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 273–280.
40. Шульгина Н. И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1–2. С. 281–289.